

ГАЙДАЙ

ОТЕЦ БЕСШОКОВОЙ ТЕРАПИИ

с. 22

Дикая вроде бы мысль — писать на тему, ну, скажем, «Гайдай и общественное развитие»... Нет, не опечатка: «й», а не «р». То есть прочих поводов бездна: долгожители-фильмы заполняют телеэкран, и даже критика, их третировавшая, их же почтила своим ужасным жаргоном: культовый, дескать, кинематограф. Но чтобы так!..

И без того уже сдуру превратили простодушного комедиографа аж в диссидента. Товарищ Саахов, «лицо кавказской национальности», изображенное евреем Этушем, — пародия на Иосифа Джугашвили. Песни про зайцев и, паче того, об острове Невезения — э... Понятно. Непонятно, как все это вкупе обожал Брежнев.

Гайдай сочинял комедии. Просто комедии, не имея амбиций коллег повышать свой жанр в чине — до трагикомедий. Как, между прочим, и гениальный прародитель их всех, который поведал, что замысел «Золотой лихорадки» произрос из рассказа о заблудившейся экспедиции, где дело дошло до людоедства, но не скрыл, что хотел всего только рассмешить зрителя. «...Смех — это вызов судьбе; мы смеемся, чтобы не сойти с ума».

Конечно, и у Гайдая были моменты пронзительно трогательные. Положим, в «Операции Ы», где Балбес, фехтующий с Шуриком, пугает чувствительного соперника, когда из-под пиджака каплет похожий на кровь портвейн, — тут нас не проведешь, шалишь. Но вот в «Кавказской пленнице» тот же Балбес с Бывальым, перегораживая дорогу машине, хватают за руки Труса, подставляют его под удар, и жертва (жертва!), потрепыхавшись, в отчаянии повисает меж ними. Погибнет? Да нет: комедия же, не «траги». Но вицинский Трус готов принять смертельный удар. Готов — в этом дело. И в прославленной троице определилась иерархия: тупая сила — придурочное потакание ей — и слабость, по-зоценковски говоря, «среднего человека». Который в любой роковой момент окажется крайним.

Криминальное трио, где один стоил другого, преобразилось в четкую схему общества.

Ужасно жаль, что Гайдай с ними расстался. Вот-вот и мы дождались бы — ну, не Чаплина, так чаплинады. Кто знает, не случись разрыва, как говорят, основанного на ссоре режиссера с Моргуновым, может, в экранизации булгаковского «Ивана Васильевича» Гайдай решил бы на куда бóльшую дерзость? Ломать так ломать, все равно ведь у Куравлева не вышел тот Жорж Милославский, что упоительно написан Булгаковым, — так уж лучше бы в Зазеркалье, в травестированное царство тоталитаризма хулигански вломились Балбес и Бывальый, наш кретин с нашим жлобом, таща за собой нашего «среднего», которого не переучит быть жертвой никакое битье. Вообще какое захватывающее ожидало их будущее — не как исполнителей гэгов, а как, выражаясь не по-комедийному скучно, инструмент нашего с вами самопознания...

Из чего состоял успех Гайдая — не сам по себе, но его универсализм, сплывающий Брежнева с антисоветчиком? Вот историческая ассоциация,

не призванная унижить — в той же степени, как не должно грубо польстить режиссеру мелькнувшее имя Чаплина. Журнал «Телескоп» пишет о романе Булгарина «Иван Выжигин»:

«Благодаря его карикатурам деревенские помещики могли вымещать горе, претерпеваемое от уездных судов и губернских палат, громким и раздольным хохотом над грозными членами; миролюбивые купцы находили тайное удовольствие посмеяться себе в бороду над спесивыми барами; пронирливые сидельцы, в свою очередь, могли забавляться изуродованными харями суровых своих хозяев; лакеи тешились над господами, горничные пересмежали барынь».

Словом, автор «умел найти чувствительную струну в каждом сословии русского народа и пошевелить ее приятным щекотанием».

Приятным? Это о романе, полном «карикатур» и «харь»? Но в том-то и дело, что «Выжигин», имевший бешеный всероссийский успех (и тиражи, не сравнимые с тиражами Пушкина и Гоголя), худо-бедно открыл рецепт — и успеха, и того, что его породило. Доставляя удовольствие всем — тем, что всех (кроме понятно кого) и осмеивал, презренный Булгарин, кому цензура позволяла побольше, чем прочим, как умел, утверждал **социальный мир** в обществе, где уже столько накопилось взаимных обид. Тот мир, о коем тоскуем на всем протяжении русской истории, — сегодня как никогда. Правда, «как никогда» — это кажется всем поколениям, но ведь и вправду мало с чем сопоставима наша усталость от раздоров, разборок, от всего волчьего, что неожиданно проявилось и прорвалось в пору «реформ», помеченных именем почти что однофамильца нашего режиссера.

Что такое гайдаевские мошенники, контрабандисты, грабители сравнительно с нынешними? Агнцы! Растяпы и недоуны! Но, коли великая троица была раз навсегда угадана как схема строения общества, можем следить за дальнейшей ее модификацией. На том же месте лишь вицинский Трус, чьи страхи все более ненапрасны. Зато на глазах матерееет никулинский Балбес: потакание силе растет в цене, а потакающие даже обретают самоуважение. Моргуновский Бывальый... Для него и вовсе наступила пора всерьез увериться, будто он в самом деле спаситель России.

А социальный мир? Он действительно ныне утопичен в особенности — разве что придут времена, подобные тем, когда писался тот же «Иван Васильевич», и мир будет директивно объявлен. Примерно с такой же уверенностью в возможности невозможного, с какой Репертком эпохи Булгакова решал, как исправить все ту же комедию, заодно ненароком сформулировав самую суть соцреализма. Цитирую запись вдовы драматурга: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?»

● Станислав РАССАДИН

